

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.043

УДК 101.1

*А. Г. Никулин**

ЭПИЛОГ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ ИНТУИТИВИЗМА В РОССИИ

Рассматривается история философии интуитивизма в России в 20-х годах XX столетия — после высылки «старших» философов-интуитивистов за границу. Исследуется творческая судьба авторов сборника и связь их философских воззрений с традициями отечественной и европейской философии. Анализируются критические отзывы на статьи сборника как в отечественной литературе, так и в источниках русского зарубежья.

Ключевые слова: интуитивизм, реализм, русская философия, гносеология, идеал-реализм.

Nikulin A. G.

EPILOGUE OF THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF INTUITIONISM IN RUSSIA

The history of the philosophy of intuitionism in Russia in the 20s of the XX century, after the expulsion of «senior» intuitionist philosophers abroad, is considered. The creative fate of the authors of the collection and the connection of their philosophical views with the traditions of Russian and European philosophy are investigated. Critical reviews on the articles of the collection are analyzed both in domestic literature and in the sources of Russian abroad.

Keywords: intuitionism, realism, Russian philosophy, epistemology, ideal-realism.

В 1926 году в Москве на средства авторов тиражом 500 экземпляров был выпущен в свет сборник философских статей «Пути реализма». Обращение к его рассмотрению связано с определением места, занимаемым им в истории отечественной философской мысли, а также его значением, которое не стоит ни переоценивать, ни недооценивать.

Теоретическая проблематика сборника обусловлена тем поворотом в общефилософской мысли, который был вызван учениями интуитивизма в разных его

* Никулин Антон Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России; antonikul@rambler.ru

проявлениях, прежде всего, А. Бергсона, затем Н. О. Лосского и С. Л. Франка. Сами философы-интуитивисты определяют интуитивизм в качестве внутренне присущей русской религиозно-философской традиции характеристики, которая обнаруживает себя в трудах И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Е.Н. и С. Н. Трубецких, В. С. Соловьева [12] и других мыслителей.

В начале XX века интерес к философии интуитивизма охватил далеко не только профессиональных философов, но и деятелей культуры и науки. Так, футуристы П. Н. Филонов [21,13], М. В. Матюшин [15, 15] находили в интуиции способ нового смысловыражения. «За-умники» А. В. Туфанов, А. Е. Крученых, В. Хлебников стремились, изменяя фонетическую структуру слова, подчинить себе означаемое, в желании непосредственного перехода от звука к смыслу без вмешательства ума, т. е. «за-умно» [20]. В теориях ученых-естественников и психологов (теория доминант А. А. Ухтомского, теория ноосферы В. И. Вернадского) за интуицией утверждается основополагающая роль в процессе познания, обосновывается органичность мироздания, утверждается реальность сверхмировых, сверхиндивидуальных или идеальных форм бытия.

После трагической для России высылки за границу ведущих религиозных философов в 1922 году сборник «Пути реализма» послужил свидетельством тому, что общеевропейская традиция философии, которая в конце 19 — начале 20 веков нашла свое органичное выражение в русской философской литературе, не была еще полностью искоренена новой властью. В 1929 году Дм. Чижевский в «Современных записках» пишет: «Во всяком случае, сборник «Пути реализма» показывает, что начавшееся в России перед войной философское движение не замерло и сейчас» [22, 551–553].

В названии сборника указывается на некое движение философской мысли, направление которого призваны раскрыть содержащиеся в нем материалы. С «высоты истории», пользуясь преимуществом исторической ретроспекции, можно констатировать, что претендуя на некую новую отправную точку в развитии философии интуитивизма в новой России, по своему историческому значению сборник стал своего рода и последним ее выражением. Интуиция «непосредственное узрение сущности» сменилась социально-классовыми шорами апологетов диалектического материализма. Критика идей, выраженных авторами сборника, апеллировала не столько к их философско-теоретическому содержанию, сколько руководствовалась стремлением отделить авторов, «бывших «патентованных» философов», от «своих», парадоксальным образом указывая им на «ошибки», которых они не только не совершали, но как раз, «исправление» которых в духе критиков сочли бы «грубейшей ошибкой», в частности, в теории познания. Гносеология, построенная на «теории отражения» была тем, что авторов сборника никак не могло устроить. Интуитивизм выходил за узкие рамки, очерченные «психологизмом». Причем, для авторов сборника это был давно свершившийся факт, нашедший свое выражение в работах «старших» философов-интуитивистов, повторное обращение к которому вовсе не требовалось. Более того, они не видели задачи критики этой концепции, а предлагали путь построения теории познания на других установках и принципах.

Однако всякий путь подразумевает простор, пространство для его осуществления, свободу мысли, творческого поиска и движения. Дальнейшая судьба

авторов сборника показывает, что пространства для движения философской мысли по пути философии реализма в современных им условиях попросту не было. По всей видимости, они, хорошо это осознавая, и выпустили в свет сборник за счет собственных средств.

В состав сборника вошли: «Критика наивного реализма» Б. Н. Бабынина, «К проблеме объективности качественной данности» Ф. Ф. Бережкова, статья А. И. Огнева «Сознание и внешний мир» и две статьи П. С. Попова «О реальности категорий» и «О функции суждения в познании». Открывается сборник предисловием Б. Н. Бабынина.

Об авторах сборника, их научных трудах и судьбе имеется подробная статья И. И. Блауберг, в которой автор провела кропотливую работу по восстановлению их творческих биографий [8, 305–329]. «Судьбы их какое-то время развертывались параллельно. Все они после окончания учебы были так или иначе связаны с Московским университетом, вели там занятия, встречались на заседаниях Московского Психологического общества, участвовали в обсуждении докладов» [8, 315]. Причем ключевую роль в их философском становлении сыграли Л. М. Лопатин и Г. И. Челпанов, став для них учителями, и ходатайствуя о том, чтобы после окончания университета, они остались преподавать в нем. И действительно, одним из итогов их творческого сотрудничества со своими маститыми учителями явилось участие в знаменитом сборнике «Геorgию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве», вышедшему в 1916 году к 25-летию педагогической деятельности Г. И. Челпанова [9].

Впоследствии Бабынин, Бережков и Попов «вновь оказались вместе, став в 1921 г. сотрудниками Института научной философии при Московском университете» [8, 315–316]. Однако и здесь они практически одновременно претерпевают жизненные перипетии. «В 1925 г. для продолжения деятельности в Институте они представили свои работы на соответствующую экспертизу». Реакция рецензентов была однозначной, да и едва ли могла быть другой. И. И. Блауберг приводит отрывки этих рецензий, обобщая которые, можно увидеть категорическое утверждение, что, несмотря на профессиональность представленных работ, глубину проникновения в поставленные проблемы, логичность и обоснованность сделанных в них выводов, «в представленных работах о философии материализма буквально ни слова». На основании чего Коллегия Института сделала вывод об их идеологической неприемлемости. «Итак, трое из наших авторов (Бабынин, Бережков, Попов — Огнев умер в 1925 году), оказавшиеся коллегами по Институту научной философии, покинули его примерно в одно время и не по своей воле» [8, 316].

«В 1925 году Бабынин для продолжения работы в Институте представил на экспертизу статью ... рецензент А. И. Араамов, отметив ряд ее достоинств, все же не считал возможным ее поддержать. «О философии материализма буквально ни слова... Сомнительно, чтобы Б. Н. Бабынин имел пристрастие к действительно научной философии...» [6, 193]. Коллегия ИНФ на заседании 28 января 1926 года приняла решение: «Кандидатуру Бабынина в сотрудники I разряда отклонить». Борис Николаевич был вынужден покинуть институт...» [6, 193].

В это же время Ф. Ф. Бережков с той же самой целью отправляет на рецензирование свою статью, помещенную ранее в сборнике, приуроченному

к 25-летию педагогической деятельности Г. И. Челпанова «Субъективны ли чувственные качества? Критика так называемого «физиологического опровержения» [5]. Статья попадает на отзыв И. К. Лупполу, который, признавая определенную ценность работы, отмечает, что «автор, видимо, вовсе не знаком с диалектическим материализмом. ... «новый реализм» может быть предварительно охарактеризован нами как как «стыдливый материализм». ... работу Бережкова Коллегия института признала «идеологически неприемлемой»» [7, 205]. Понятно, что продолжить работу в Институте Бережков уже не мог.

П. С. Попов в Институте Научной философии был официально утвержден на должность в марте 1922 года. Однако «в 1923 году Попов вслед за Г. Г. Шпетом уходит в Российскую Академию художественных наук» [3, 222].

А. И. Огнев в 1925 году скончался.

Таким образом, к моменту выхода сборника Бережков, Бабынин и Попов больше не числились в Институте философии. Анализируя их деятельность, можно прийти к выводу о том, что их философские интересы были существенно интегрированы в жизнь института. Начиная с сентября 1921 года, они активно участвовали в заседаниях, публичных прениях, проведении семинаров. Повидимому, мотивацией выпустить сборник «Пути реализма» было попыткой подвести определенный итог их философских исканий в области философии интуитивизма, последней возможностью выразить свою философскую позицию, не совпадающую с «научной философией».

СБОРНИК

Задача «Путей...» устанавливается в предисловии к сборнику — раскрытие гносеологической необходимости реализма, который является, в свою очередь, отправным пунктом философствования. Авторы «сближает общность реалистического направления в решении гносеологической проблемы внешнего опыта и, что особенно важно, та интуитивистическая форма этого решения, которая упраздняет антагонизм между философской теорией и жизненной практикой, устанавливая между ними гармонию» [2, 3]. Правда, одни из них полагают единственно присущую активность познающего субъекта состоящей лишь «в силе узрения предстоящей действительности» [2, 3], другие прозревают более «интимно-связующую» функцию познающего субъекта, утверждая наличие «динамического взаимодействия между ними в процессе познания» [2, 3]. Но это различие не носит принципиального характера. Важен сам отказ от гносеологического идеализма и трансцендентального реализма разных типов в пользу реализма интуитивного, утверждающего, причем, не только теоретически, непосредственную данность внешнего сознанию бытия.

Задача может быть выражена и так: в основу всякого серьезного философствования должно быть поставлено «оправдание объективности или настоящей реальности» [4, 37], пишет на страницах сборника Бережков. В первой степени приближения реализм раскрывается как апелляция к здравому смыслу. В разрезе философствования здравый смысл безусловно наивен, однако эта неискушенность здравого смысла несомненно привлекает авторов. Аполо-

гетом здравого смысла на страницах сборника в первую очередь выступает Б. Н. Бабынин в статье «Критика наивного реализма». Он определяет основную предпосылку наивного реализма следующим образом: «Я непосредственно воспринимаю, как себя самого, так и внешнюю мне, независимую от меня в своем бытии и определениях действительность» [2, 8]. Далее он уточняет, что эта предпосылка, в силу того, что она допускается в качестве исходного пункта мирозерцания без всякой критики, наивна, затем, утверждая наличие реального познающего субъекта и независимой от него действительности, она реалистична, утверждая же возможность непосредственного познания действительности, эта предпосылка еще интуитивистична.

Согласно Бережкову, отстаиваемое направление, стремясь к положительному обоснованию действительно объективного знания, «хочет показать, что не здравый смысл наивен, а наивен идеализм с его чудовищной переоценкой роли организма и сознания в процессе познания природы». Полагание наивного реализма в качестве отправной точки философствования дает приоритет перед любыми другими философскими теориями в том смысле, что, по мнению авторов, *opus probandi* лежит на его противниках: «они должны доказать необходимость его отстранения и показать годность какой-либо иной точки зрения» [1, 35].

Но главное слово еще не сказано. Безусловно авторы не призывают «унизить» философию только до уровня наивного реализма: наивный реализм является лишь первым, так сказать, терапевтическим приемом. Следующий шаг ведет к критическому реализму. Как замечает А. И. Огнев, «совершенно неприемлемой в философском отношении тенденцией наивного реализма является то, что в восприятии сущего ему свойственна такая точка зрения, которую можно назвать установкой сознания на вещи, восприятие бытия *sub specie rei*, игнорирующее динамическую и творческую природу процесса познания» [17, 85]. В общем виде позиция критического реализма может быть сформулирована в таком виде: «Качества предмета воспринимаются нами в предмете, и предметы не становятся от того, что они входят в сферу нашего восприятия субъективной фикцией. В акте так называемого чувственного восприятия внешних вещей, которое тесно связано с интеллектуальной интуицией раскрывается и утверждается и сверхпространственность субстанциональных корней сущего и пространственный (качественный) характер их манифестаций, их обнаружений при реализации своего бытия» [17, 88].

Теперь вполне раскрывается установленная в предисловии сборника задача авторов, а именно раскрытие гносеологической необходимости реализма. Исходя из этой предпосылки, внешний сознанию мир реально существует и познается в подлиннике. Мы, таким образом, познаем реальные вещи, элементы реального мира. Зададимся вопросом: что из себя представляют эти вещи? Являются ли они тем, что мы познаем? Приходится отвечать принятием этого тезиса. Элементы мира есть именно то, что мы познаем, что входит содержанием в процесс нашего познания действительности. Только один шаг отделяет от пропасти субъективизма, и мы не сделаем этого шага, если будем способны осознать тот путь, который предлагают авторы сборника.

В краткой форме направление этого пути можно выразить следующими словами: нет познания без предмета, нет предмета без познания, причем,

не то чтобы их вообще, так сказать, онтологически не было, а все дело в том, что рассмотрение их в отрыве друг от друга лишено всякого смысла, даны не «переживания» просто, «качества» просто, но «переживания Я», «качества вещи» [1, 34]. Но и это не весь реализм данного сборника. Необходимо сделать еще один шаг, а именно: «понять, что содержания наших восприятий даны нам не только как нечто от нас в своем бытии независимое, но и как нечто от начала неотторжимо принадлежащее транссубъективной реальности, с ним несоизмеримой (как геометрическое тело с его проекциями) и, однако, а может быть именно потому, их в себе объединяющей, ими обладающей, как обладает «Я» всеми актами сознания, которые можно в нем усмотреть» [1, 34–35]. Наше восприятие не субъективно в точном смысле этого слова, оно индивидуально, персоналистично и, что самое главное, многомерно. Одно и то же событие реально воспринимается каждым по-своему, и в этом ни для кого, разве что за исключением небольшого числа философов, никогда ничего необычного не было. Авторы сборника утверждают, что их путь упраздняет антагонизм между философской теорией и жизненной практикой, устанавливая между ними гармонию.

Делаем шаг в неизведанный ток философствования, вскрывающий расслаивающуюся на многомерные пространства реальность. Буквально сразу мы на что-то натываемся. Что-то — это вещь. Мы в затруднении. «...Выход из затруднений следует искать в философской переработке понятия вещи», — советует философ Бабынин. «Преобразование же понятия вещи естественно выводит нас за пределы наивного реализма, как недифференцированной точки зрения» [1, 34–35]. Таким образом, задание наше видится в следующем: «истолковать «вещь в себе» таким образом, чтобы все содержания восприятий всех живых существ к ней относящихся, не только не утратили своей объективной реальности, но утвердились в этой реальности» [1, 34]. И, однако, вещь все равно останется чем-то до конца неуловимым: наша воспринимающая способность ограничена, вследствие того, что она всегда приурочена какой-то определенной точке зрения, точке смотрения на... Мы видим и ведаем лишь то, что мы можем видеть и ведать — остается сфера неведомого или интуитивного, то есть того, что мы стремимся «предвидеть». «Но интуитивная данность «вещи в себе» как необходимо мыслимой основы всех воспринимаемых нами содержаний остается незыблемым принципом нашего знания о внешнем мире» [1, 35].

Однако понятие вещи не может единственно занимать сферу интуитивного или в контексте пути сборника — реального. Реальность реализма раскрывается на пути осознания со-данности вещей человеческому сознанию, сосуществования вещей в определенном континууме. Иными словами, переосмыслению подпадает понятие пространства. А. И. Огнев предлагает в данном случае взглянуть на дело феноменологически. В частности, он видит бесспорно положительную заслугу феноменологии в том, что она сумела показать, «что та схема пустой перспективной среды, какой наивному сознанию рисуется пространство, как натуральное и изотропное вместилище вещей, есть чистая фикция» [17, 86]. Действительно (что особенно созвучно раскрываемому на страницах сборника понятию вещи), истинным пониманием феноменологически раскрывающегося процесса человеческого восприятия

устанавливается, по мнению Огнева, «сверхпространственность нашего познающего «Я» и субстанциональных корней внешней ему действительности». Можно с уверенностью предположить, что, если бы в пределах этого сборника нашелся философ, который бы занялся рассмотрением понятия времени, он бы однозначно пришел к идее сверхвременности субстанциональной природы познающего «Я» и субстанциональных корней внешней ему действительности. А. И. Огнев продолжает мысль относительно природы пространства: «объективное, онтологическое понимание пространства есть прежде всего форма многообразного качественного взаимодействия и взаимосуществования вещей или, вернее, тех сущностей, которые лежат в основе апперцепируемых под образом вещи реальностей» [17, 87].

Здесь, на наш взгляд, уместно вспомнить «старшего» интуитивиста — Н. О. Лосского, высказывающего идеи относительно сверхвременности и сверхпространственности субстанциональных деятелей. Он пишет о том, что условия существования всех конкретных целых вещей и событий, протекающих в нашем трехмерном мире, находятся где-то за пределами трех измерений. Сами по себе вещи и события обладают пространственным, временными и прочими признаками трехмерного мира, отношения же, обладая характером трехмерной реальности, то есть, по терминологии Лосского, будучи моментами конкретного целого, сами не принадлежат трехмерному миру конкретных целых вещей и событий. Таким образом, отношения времени «суть вневременные условия времени», соответственно, отношения пространства «суть внепространственные условия пространства» [13, 365 и далее]. Вневременные и внепространственные условия Лосский, используя термин Платона, относит к «идеальной» сфере бытия. Различие позиции Лосского и авторов Путей сводится к следующему: авторы сборника не пытаются разрешить проблему отношений элементов мира и удовлетворительно определить их статус. Также они не ставят в отчетливой форме проблемы познающего субъекта и, соответственно, не определяют философского статуса последнего. Безусловно в пределах сборника статей попытка разрешения подобных фундаментальных вопросов вряд ли уместна, но, с другой стороны, остается незаполненная лакуна. Скорее всего, помимо опальности имени Н. О. Лосского, на которого лучше в те годы было не ссылаться (хотя на страницах сборника несколько раз появляется эта фамилия без цитат и названий работ) авторов не могла устроить приставка идеал- в самоназвании философской системы Лосского идеал-реализм. И действительно, даже из приведенного рассуждения Лосского видна искусственность отнесения философом, в частности, условий существования «всех конкретных целых частей» и прочего в сферу идеального бытия, пусть даже и в платоновском смысле этого слова. Авторам Путей реализма была чужда подобная терминология и, меньше всего, по «идеологическим соображениям». Приставка идеал-, даже по мнению самого Лосского, отнюдь не упрощает решения проблемы, но только усугубляет. Скорее всего, такая терминология делает решение этих и других проблем в контексте философии реализма вообще затруднительным.

А. И. Огнев намечает путь решения (к сожалению, лишь намечает и только в самом конце статьи). Именно, «допущение непосредственного восприятия

внешних реальностей в оригинале неизбежно влечет за собой пересмотр традиционного учения о так называемой непротяженности психической» [17, 94]. И одной из последних фраз статьи является следующая «сознание тоже становится в известном смысле пространственным» [17, 94]. Повторяем, что, к сожалению, на этом статья заканчивается — первый реальный шаг по пути реализма также внезапно обрывается, как и жизнь автора этого шага.

П. С. Попов, пожалуй, дальше своих коллег пошел «путями реализма». Его мысли представляются последовательно и отчетливо сформулированными выводами из предшествующего материала, и потому достойно замыкающими сборник. Он ограничивается критикой наивного реализма, тем самым сразу отстаивая критическую позицию. Устанавливая, к тому же, что «объективный мир будет миром лишь при объективном характере его основных законов и определяющих обобщений» [18, 100]. Без обращения к универсальным началам бытия, оставаясь на уровне познания объективных свойств «качественно разнообразного», мы не окажемся «в области реального ведения». Более того, Попов проясняет путь реалистической философии в заданном направлении: «...если действительно главная задача умознания в постижении сущего, как оно по себе есть, и, если эта задача реально выполнима (что нужно понимать в смысле выполнения этой задачи в контексте философии реализма. — А.Н.), то постановка ее сопровождается убеждением (...), что категории ума законно довершают или определяют предстоящую мысли наличность в ее существенных чертах» [18, 118].

Рассуждения Попова возвращают нас к ранее выдвигавшемуся вопросу: являются ли элементы мира тем, что мы познаем? Однако этот вопрос задается теперь на новом уровне. Нас интересует его разрешение не в плане содержательной стороны нашего знания (мы пришли к выводу о нерасторжимости субъект-объектных связи в познании: нам всегда даны переживания Я и качества вещи), а в плане структуры самого познания, самого познавательного акта. Выражением элементарного познавательного акта служит суждение. Суждения предстают нам в двояком отношении, во-первых, как нечто непосредственное, «некоторое наличное постижение, (...) первоначальное непосредственное усмотрение, узрение», по терминологии П. С. Попова. Во-вторых, всякое знание, выражающееся в форме суждения, тем самым уже чем-либо или, вернее, кем-либо посредуется, «подразумевает обсуждение». Суждение как знание есть одновременно и «нечто интуитивное и вместе с тем, структурное по наличности в нем известных оформляющих логических элементов» [19, 145]. Тогда суждение представляется нам как некое единство в многообразии. В суждении аналитически уясняется множественность частей, оформляется в соединении, что собственно и приводит к единству познавательного акта. Таким образом, в акте знания сама познаваемая действительность синтетически выводит нас за рамки своей простой данной наличности.

Если вспомнить рассуждения Лосского, следует добавить, что он, к тому же, определяет закон логики, по которому осуществляется названная операция, именно, закон достаточного основания. Здесь этот закон раскрывается в том смысле, что наше знание обретает статус синтетического, с достаточным основанием удостоверяясь в самом познаваемом объекте, в силу синтетичности

его, подлежащей познанию, природы. Отсюда именно и происходит убеждение П. С. Попова в том, «что категории ума законно доверяют или определяют предстоящую мысли действительность в ее существенных чертах» [18, 118]. Лосский реализует это же убеждение под рубрикой «Реальность общих понятий» («Обоснование интуитивизма»).

Остается лишь уяснить механизм суждения, который соответствующим образом приоткрывает нам гносеологический смысл различных уровней познания реальности, а также различные уровни самой реальности. По мнению Попова, суждение имеет три последовательно реализующиеся в акте знания ступени: синтетическую, аналитическую и снова синтетическую. Первый момент определяется как динамический синтез», — первоначальное узрение элемента бытия, на основе которого впоследствии и вырастает суждение как нечто оформленное. Попов также называет первую ступень познавательного акта «плодоносным соприкосновением субъекта с объектом, в котором занимается жизнь знания» [19, 146]. Характер понимания наличной действительности на данной стадии колеблется от абсолютно субъективного образа, затем констатирования восприятия подлежащего объекта (наивный реализм, «объективизм») и далее, вплоть до преобразования восприятия в понятие среднее по степени общности. Сама наличная действительность выступает либо как чистая беспредметность, лишенная какой бы то ни было оформленности и определенности (время наличности соответствует гистологическому времени направленного на нее сознания, пространство — параболично, причем, вопреки Евклиду, ветви параболы, сдерживающей пространство, сходятся в точке зрения, в точке смотрения на-... познающего индивида), либо как фотографическая отображенность (время мгновенно, пространство страдает всеми дефектами и искажениями фотографического снимка — взгляда через объектив, откуда и происходит объективизм, то есть пространство примитивно перспективизировано: точка зрения «объективно» диктуется построенной перспективой и определяется фокусным расстоянием до точки схождения), либо наличная действительность представляет собой натуралистическую, физическую, среднестатистическую картину мира (пространство и время безначальны и бесконечны, определяются геологическими процессами).

Второй этап, согласно Попову, — этап анализа. Он «знаменует собой расширение или интерпретацию непосредственно узреваемого динамического синтеза на основании толкования этого отрезка бытия как части единого целого» [19, 147]. Характером понимания на втором уровне можно назвать то состояние аналитического напряжения, о котором писал художник-интуитивист П. Н. Филонов в «Декларации «Мирового Расцвета». Пространство и время представляются пронизанными интуитивным натурализмом в смысле следования всем предикатам объекта. Причем, в определении пространственно-временных характеристик данной картины мира первейшую роль играет осознание того, чем является сам познающий субъект как элемент того же самого мира, познанием которого он занят. Поэтому понятия пространства и времени остаются сугубо субъективистскими, однако, полагаемые в этот субъективистский пространственно-временной континуум, аналитически расчленимые элементы мира вполне реалистичны. Только на втором уровне

аналитического напряжения предстоящая познанию действительность впервые начинает, конечно, при условии прилежного анализа, приобретать черты безусловной реальности.

«Третьим этапом как раз и оказывается финальный акт синтезирования этого полагания в связанном единстве подлежащего и сказуемого, взятых органически вместе» [19, 147–148], — пишет П. С. Попов. Знание получает характер органического целого, причем, его «организованность» обосновывается теперь в сфере непосредственного как такового, в сфере интуитивного, которое в данном случае выступает единственно реальным. Знание получает самодостаточный индивидуальный характер живого организма. В контексте сказанного, Попов делает вывод, что «единство в акте суждения и его характер не умом изобретается и не рассудком отвне приносятся; это единство есть осуществление того единства, которое уже намечено в предлагаемом материале» [19, 153]. Таким образом, получают реальное подтверждение и мысли, высказанные А. И. Огневым, именно, что «сознание становится тоже в известном смысле пространственным» [17, 94]. Мы только можем добавить, что пространственный характер сознания как раз проявляется на третьем этапе познавательного акта, по Попову, когда оно осознает свою сверхвременную и сверхпространственную основу — остов, который составляет сфера интуитивного. Сознание, наконец, узревает в себе способность к интуитивному исхождению, к продвижению по пути обретения опыта интуитивного, опыта реальности и, косвенно, как одно из следствий, сознание в действительности получает всегда имевшуюся у него способность обуславливать пространственно-временные отношения, то есть в любом пространственно-временном континууме проявлять свою сверхпространственную и сверхвременную природу. Итак, только реальность общих понятий делает возможным знание целого. Реальность общих понятий определяет возможность научного познания мира.

В предисловии к сборнику Б. Н. Бабынин высказывает фундаментальное для последующего текста соображение относительно необходимости следования Путиами реализма. «Мрачный, как бы бесчувственный взгляд на физический мир (...) должен смениться светлым, подлинно эстетическим воззрением, при котором содержание восприятий всех живых существ получает значение лишь малой — количественно и качественно — части неисчерпаемой сокровищницы мира» [1, 5]. Причем, по мысли автора предисловия, для субъекта познания «новая картина мира» означает освобождение от «навязанного ему инородного балласта» [1, 5], а именно, от так называемых субъективных содержаний восприятия, ошибочно постигаемых субъектом в качестве противостоящей ему объективной действительности. Собственно, из этого изначального стремления к освобождению субъекта, по мнению Бабынина, исходят пути реализма, намечаемые авторами сборника.

КРИТИКА

Н. О. Лосскому было известно о сборнике [13] [11]. «Исследования в области теории познания в духе интуитивизма продолжались даже в Советской

России в первые дни большевистского режима, когда его тирания еще не раздарила полностью всякую философскую мысль, которая не соответствовала материалистическому шаблону» [13, 345]. Лосский подчеркивает сходство многих идей авторов сборника с его концепцией интуитивизма, а также с разработками англо-американского реализма.

Говоря об опубликованных критических отзывах на сборник, следует отметить, что помимо информации из архива, на который в своей статье ссылается И. И. Блауберг, нам известно о двух рецензиях. Это, упоминавшаяся уже в начале, небольшая по объему рецензия Чижевского и подробная по содержанию рецензия М. Митина, которая, по всей видимости, явилась плодом обсуждения представленных ранее работ авторами сборника в Институте научной философии, что подтверждается даже терминологически.

Чижевский [22, 551–553], в целом, высоко оценивает подход авторов сборника, которые, по его мнению, в рамках гносеологических построений «примыкают к той гносеологической позиции, которая хочет быть преодолением «гносеолоизма» в его типичной для конца XIX и начала XX века скептической форме, — примыкают к «интуитивизму» [22, 551]. Вместе с тем, он замечает, что авторы сборника, разрушив традиционную гносеологию, «на очищенной почве» вновь выстраивают вместо широкой философской системы систему чисто гносеологическую.

«Нам представляется, что авторы сборника несколько слишком «оптимистичны», — в то время, как скептическая гносеология не видела в познании ничего, кроме границ некоторые интуитивисты не хотят видеть никаких границ. Их реализм не совсем избежал поэтому опасности спадания к наивному реализму» [22, 552].

Чижевский призывает авторов сборника обратиться к читателям со статьями, посвященными не только поиском «путей к философии», а центральным проблемам философии как таковой. «Не достаточно разговоров о «путях к реализму» [22, 553].

Ссылаясь на «старшее поколение интуитивистов» (Лосский, Франк), Чижевский указывает на то, что их философские рассуждения вышли на онтологические исследования, и, по его мнению, «метафизика интуитивизма до сих пор развивалась в направлении платонизма» [22, 552]. Указывая на статью Попова, в которой разбираются основные проблемы логики — проблема категорий и проблема суждения, критик обнаруживает в решении Поповым этих проблем «аристотелианская линия развития метафизики интуитивизма» [22, 51–552].

Здесь Чижевский считает недостаток позиции Попова в том, что он неясно определяет свое отношение к спору платонизма и аристотелизма. «Он как будто становится на сторону Аристотеля и против гипостазирования (платоновского) идеальных элементов бытия» [22, 552]. Но, по мнению Чижевского, самое это противопоставление платонизма и аристотелизма является весьма спорным. Ссылаясь, в частности, на Гуссерля и его школу, «сочетающих платонизм и аристотелизм», критик замечает, что тем более не удачно обращение Попова в анализе названных проблем обращение к «неактуальным для современности мыслителям (напр., Лотце)» [22, 553].

Обратимся к рецензии М. Митина, опубликованной на страницах Вестника коммунистической академии в 1927 году [16, 249–258].

После эмоционального бравурного абзаца, в котором автор рецензии обличает антифилософское и «механистическое поветрие» — увлечение модным идейным производством Запада (фрейдизм и т. п.), грубый реализм и практицизм, он обращается к содержательной критике сборника, проводя ее постатейно, так как «нельзя вместе с тем упускать и того, что происходит в среде не-марксистов, в среде старой профессуры, среди бывших «патентованных» философов» [16, 250].

Обращаясь к статье Бабынина, автор указывает, что «основная критика субъективного идеализма и солипсизма проводится автором с точки зрения интуитивной соданности субъекта и объекта, критика же трансцендентального реализма — с точки зрения того, что «знание должно быть непосредственным»» [16, 251].

В идее интуитивной соданности субъекта и объекта Митин видит перефразировку «старого хлама теории Авенариуса «о неразрывной координации (т.-е. соотносительной связи) нашего «я» и среды» [16, 253]. Ссылаясь на авторитет Ленина, автор критики видит в этом явное «скатывание» в идеализм.

«Наивно реалистическая» позиция является «основным положением материализма о существовании или реальности внешнего, объективного мира вне и независимо от сознания» [16, 251]. Митин укоряет Бабынина: «Вашу, по существу, материалистическую посылку в решении гносеологических вопросов (правда, довольно коряво сформулированную) вы прикрываете маской наивного реализма» [16, 251–252].

Что же касается интуитивизма, отстаиваемого Бабыниным, автор критики пишет, что «интуиция — темное место, где все кошки серы. Интуиция — это фактический выход за пределы философии, за пределы науки, о которой так «пекутся» авторы» [16, 253]. И предлагает автору выбросить «всю эту поповщину», и познакомиться с глубочайшим содержанием марксистской философской мысли.

Критикуя статью Ф. Ф. Бережкова, Митин видит позицию автора в признании объективности вторичных качеств, в том, что эти качества присущи самым вещам независимо от воспринимающего их субъекта. Однако, «он совершенно незнаком с диалектикой, с разрешением этого вопроса диалектическим материализмом. Опираясь на «властную силу традиции» буржуазной философии, он не считает нужным принимать во внимание глубокое содержание диалектического материализма, разрешающего все вопросы теории познания» [16, 253]. Бережков становится на ненадежные с научной точки зрения пути «наивного реализма».

Вместе с тем, «Статья Ф. Ф. Бережкова наиболее выдержана в материалистическом духе из всего сборника» [16, 254]. И критик желает автору сделать дальнейший шаг в сторону диалектического материализма.

Попов, по мнению критика, занимается «весьма интересным» вопросом о реальности категорий, однако, напрочь игнорируя других мыслителей, занимавшихся этими вопросами, кроме Аристотеля. «Совершенно понятно в связи с этим, что в работе Попова не остается никакого места для марксистского решения вопроса о категориях и их «реальности» [16, 254].

Относительно содержательной стороны Митин утверждает, что «у автора высказана совершенно правильная мысль, только в своеобразной терминологии» [16, 255]. Он близко подходит к пониманию категорий в учении диалектического материализма, однако основная его беда — «незнание материалистической литературы или сознательное ее игнорирование».

Статья Огнева, по мнению критика, наиболее далека от материализма из всех статей сборника. По всей видимости, Огнев пренебрегает некую «красную линию», упоминая в своей статье своего «незабвенного учителя, профессора П. М. Лопатина, живую связь с мыслями и личностью которого, а также неизменной пиетет, к которому я, конечно, по-прежнему в полной мере чувствую». За что и «получает» от Митина. «Кто такой Лопатин, не требует особых разъяснений, стоит лишь вспомнить характеристику его как «философского черносотенца», данную ему Лениным, и поэтому в статье Огнева больше остатков спиритуализма, лопатинщины, с которыми автор половинчато пытался разделаться» [16, 255].

Характеристика материалистической философии, данная в статье Огневом, вызывает не меньший гнев критика — «это поклеп на материализм! ... полное невежество и повторение буржуазных сказок о том ... Если не невежество, то сознательное его извращение» [16, 256].

Резюмируя, критик указывает, что авторы рассматриваемого сборника «боятся» признаться себе в своей материалистической исходной точке зрения. «Это — трусливый материализм» [16, 257].

Приговор критика — «Никаких перспектив у «наивного реализма», тем более подправленного интуицией, — нет и быть не может». Впрочем, надо отдать ему должное, приговор достаточно «мягкий» по тем временам, оставляющий «надежду» авторам сборника, если они, конечно прислушаются к пожеланию критика: «Мы можем только пожелать авторам сборника (конечно, живым: Огнев умер в 1925 г.) действительно стать на этот путь — познакомиться с современным материализмом ... и перейти с «наивной» точки зрения на действительно научное понимание материализма» [16, 257–258].

Характерно, что десятилетия спустя мы встречаем неутешительный отзыв относительно рассматриваемого нами вопроса: «В России, в 1926 г., был опубликован сборник «Пути реализма», который стал, своего рода, заявкой на разработку проблем гносеологии в указанном направлении. Но это не имело в исторической перспективе логического завершения» [10, 30].

Конечно, и не могло иметь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабынин Б. Н. Критика наивного реализма // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
2. Бабынин Б. Н. Предисловие // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
3. Бердникова А. Ю. Павел Сергеевич Попов // Институт Научной философии. Начало. М.2021.

4. Бережков Ф.Ф. К проблеме объективности качественной данности // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
5. Бережков Ф. Ф. Субъективны ли чувственные качества? Критика так называемого «физиологического опровержения // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. М. 1916.
6. Блауберг И. И. Борис Николаевич Бабынин // Институт Научной философии. Начало. М.2021.
7. Блауберг И. И. Федор Федорович Бережков // Институт Научной философии. Начало. М.2021.
8. Блауберг И. И. Из истории русского интуитивизма: А. Бергсон и «Пути реализма» // Историко-философский ежегодник 2010. М.2011.
9. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. М. 1916.
10. Коробкова С. Н. Философский реализм в русском естествознании второй половины XIX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. СПб, 2016.
11. Лосский Н. О. Русская философия в XX веке // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3. С. 71–119
12. Лосский Н. О. Идея конкретности в русской философии. // Научные труды русского народного университета в Праге. 1933. Т.V.
13. Лосский Н. О. История русской философии. М. 1991.
14. Лосский Н. О. Мир как органическое целое. // Н. О. Лосский. Избранное. Москва, 1991.
15. Матюшин М. В. Манифест «Зорвед» // Жизнь искусства. — Пг., 1923 — № 20.
16. Митин М. Между спиритуализмом и материализмом. По поводу философского сборника «Пути реализма» // Вестник коммунистической академии, № 19, 1927.
17. Огнев А. И. Сознание и внешний мир // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
18. Попов П.С. О реальности категорий // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
19. Попов П.С. О функции суждения в познании // Пути реализма. Сборник философских статей. Москва, 1926.
20. Туфанов А. В. К зауми. Л., 1924.
21. Фионов П. Н. Декларация «Мирового Расцвета» // Жизнь искусства. — 1923. — № 20.
22. Чижевский Дм. Пути реализма. Сборник философских статей Б. Н. Бабынина, Ф. Ф. Бережкова, А. И. Огнева и П. С. Попова. Изд. авторов в Москва, 1926 // Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал. № 40. Париж, 1929.